

Стояновский М.Ю.,
к. ф. н., доцент
Литературного института

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ОБРАЗНО-СИМВОЛИЧЕСКИХ СИСТЕМ (ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ).

Описание закономерностей образно-символической организации как отдельного уровня поэтического языка составляет необходимую задачу современной литературоведческой науки. Это вопросы языка поэзии, отличительных черт творчества и стилевой унификации, авторской системы моделирования мира, идеи, лежащей в основе этой модели, содержательной стороны искусства.

Хотя теории символа множатся с завидным постоянством — рефлексия осуществляется в рамках различных традиций (философия языка, логика, лингвистика, семантика, герменевтика, риторика, эстетика, поэтика, психоанализ, антропология и т.д.) — и они остаются весьма далеки от унификации, а терминологическая точность понятия «символ» оказывается в большой мере условной, требует постоянных оговорок и уточнений, мы позволим себе констатировать некоторые важные для нас позиции.

Символ имеет операционный (функции) и онтологический статус (он и «техника» смыслообразования, и идеология).

Символ — способ целостного и единовременного представления и сложного видения сложного мира, его трансцендентной и имманентной глубины, его идей. Представление осуществляется в сжатой, экономной — что касается языковых средств, интенсивной — что касается концептуализации действительности (здесь особая роль принадлежит мифу), и доступной чувственной форме. Символ в интерпретации — это явление сверхсвязей многих и разных уровней: от явлений действительности до элементов текста и текстов. Он как феномен/функция/

мышления и духовной жизни, направленный на производство, приращение смысла, требует определенной психологической установки — аналитической и интуитивной (подсознательной) — на понимание факта как символического и на толкование его, на обнаружение этих связей (сверхсвязей), выявление сложно построенного, осознанно и неосознанно заданного смысла художественного целого, требует видеть смысловую насыщенность, отличную от интуитивной нормы; он требует памяти (символ можно рассматривать как свернутый акт памяти), опыта, преображенных — отличных от обыденных — разума и чувств.

Символ — это образ или часть образа, явление, отношение, знак, который другие образы, явления, отношения, знаки, их содержание представляет как свое содержание.

Символическая система — рациональное представление органического качества символа как порождающей функции (см. А.Ф. Лосев: «Символ есть функция действительности», «способная разлагаться в бесконечный ряд членов, как угодно близко или далеко отстоящих друг от друга и могущих вступать в бесконечно разнообразные структурные объединения»¹).

Среди многочисленных определений символа, данных этим русским философом, следует выделить положения, высказанные в работе «Проблема символа и реалистическое искусство». Там утверждается, что символ заряжен многочисленными смысловыми потенциями и обладает самостоятельной мощью моделирующего обобщения, он есть творческое начало, смысловым образом порождающее многочисленные закономерные и единичные структуры: он есть «общая функция», условно охватывающая универсальную закономерность вечно движущейся действительности и позволяющая понять ее в расчлененном и творчески преображенном виде (превращающая ее в космос); функция, которая, являясь «творящей моделью», «образцом», «принципом», «законом» и «методом конструирования» («возникновения» и «воспроизведения»), «прообразом» и «праобразом», вполне закономерно (точно, системно) «разлагается в бесконечный ряд, бесконечное число отдельных единичностей» («индивидуальностей», разных отражений, проявлений, перевоплощений, то менее, то более близких моментов, противостоящих друг другу частностей), где каждый член с большим или меньшим приближением стремится выразить изначальную функцию, «предел» (осмысливающий, являющийся смыслом их, их «оформляющий», упорядочивающий), — и «все они сливаются в одно нераздельное целое, пульсирующее каждый раз по-разному, в связи с бесконечной смысловой заряженностью символов, лежащих в его основе...»²

Символическая система — это особая моделирующая система, претендующая на универсальность, на функцию вполне целостного языка, «свернутого» до представления базисных отношений «человек — мир — Абсолют». Символическая система — одна из главных кодовых систем художественного произведения (произведений). Как система она предполагает внутреннюю организацию, связанность, мотивированность

элементов, их упорядоченность (иерархию). Она создает структуру ценностей, служит для передачи ключевой информации, распространяет (сжато) всю информацию на все элементы системы (единичность /элемент/ представляет всю систему, дает максимальную информационную насыщенность структуре художественного текста). При известном, здесь можно сослаться на наблюдения Ю.М.Лотмана³, падении избыточности языка в поэзии (и усилении эмоциональной, лирической насыщенности) символ дает избыточность смысла, увеличивает количество связей различного уровня: текстового, межтекстового, культурного и даже обыденного типа (правда, практика символизма показала, что перенасыщенность смыслами, избыточность их грозит художественному тексту своей противоположностью — опустошенностью).

При колебаниях единства поэтического языка, экспериментах на уровне формы и приема — с заметным сужением «эпического пространства» и содержательности, что видно из практики литературы XX века, — символические системы задавали и задают определенное смысловое единство (творчества, направления, культуры) и выводят лирический текст (тексты) из интимной сферы, частного опыта в качественно иную сферу, обобщающую культурный, религиозный, литературный, мифолого-жизненный опыт. Устойчивость символической системы порождает явление подвижного макро— и метатекста, «жанровое» своеобразие которого — колебания в широких границах лирической миниатюры и эпического повествования.

Следует обратить внимание на то, что при многозначности образа-символа, тенденции превращать невнятное, неясное в предмет мысли, но не в предмет знания, при постоянном ускользании конечного смысла, при сложности связей образов в символической системе (которая формируется в определенной мере полунинтуитивно, а иногда и бессознательно) эти «многозначность» и «сложность» еще не свидетельствуют о неопределенности значений и отношений. И круг значений, и отношения смыслового ряда могут быть научно описаны с известной степенью достоверности, хотя любое перечисление смыслов, аспектов будет не исчерпывающим.

Здесь надо помнить известное философское положение, согласно которому вещь бытует и проявляет свои свойства не сама по себе, но в отношении к другим вещам. «Понять вещь, — писал А.Ф.Лосев в свете своего диалектического метода, — значит соотнести ее с тем или другим ее окружением и представить ее себе не просто как ее саму, но в свете того или другого окружения, в свете той или другой вещи или момента из этого окружения»⁴.

Конечно, описания различных сторон объекта не дают синтетического и полного знания, целостное содержание символа и символической системы ускользает от фиксации средствами научного метаязыка, но комплексный подход в теории, принцип дополнительности сторон исследования способны дать объективную научную картину явления.

Перед тем как обратиться к теоретическим положениям, касаю-

щимся анализа связей (отношений) образов-символов в художественном целом, сделаем еще одно замечание: символическая система вовсе не сводится к образу-символу, она, конечно, шире, это, например, и символизм форм, и символизм отношений; символическую значимость может получать едва ли не любой элемент целостности, в том числе и образа (образ сам становится «текстом», носителем символических деталей), но мы сознательно сужаем свою задачу.

Выделим основные, на наш взгляд, направления и объекты изучения при анализе образно-символических систем (ОСС).

1. Объектом изучения в рамках функционирования ОСС может быть система, заданная определенной границей: границей текста; границей текстов, написанных автором в определенный период, циклами; всеми текстами данного автора (его творческое наследие); изучаться могут тексты данного литературного направления, данного времени (эпохи, периода), а также тексты, которые можно обозначить как «координированные» — отстоящие во времени, по направлению, идее и т.д., но обнажающие тот или иной прием.

Связи символов, составляющих ОСС, связи, определяющие смысл элементов системы, достаточно условны (локально — не актуализируя посредников — символы могут быть и взаимонезависимы), они (связи) определяются «исторически», в процессе бытования этих элементов даже вне системы. Ни художественное качество, ни степень известности привлекаемого для анализа ОСС текста большой роли не играют, хотя надо иметь представление о том, к центру или периферии творческого акта он относится.

В известной степени в эти границы (анализа ОСС) попадают и жизненные явления, факты истории и человеческой мысли, факты писательской биографии и читательской реакции, которые исследователю (интерпретатору) чаще даются именно как тексты, проливающие свет на авторские опыт, интуицию и замысел, реконструирующие систему представлений автора и читателей, определяющие становление и восприятие символа читателем (переосмысление и интерпретация адресатом).

Все это предполагает и монографический анализ текста, и изучение творчества конкретного автора, и исследования в рамках историко-литературного процесса и сравнительно-типологических теорий.

Символ в составе ОСС выступает и как самостоятельная значащая часть текста, и как часть целого, несущая интегративный, нераздельный смысл всего целого (текста, текстов, творчества, культуры и т.д.) и ориентированная на другие элементы системы. Простейшая процедура интерпретации (толкования) заключается во включении символа в парадигму других символов, превращении этой парадигмы в собственную парадигму (референция осуществляется только целостным составом). В пределе толкование (или стратегия толкования — экзегеза) вскрывается содержанием интегративного мифа, охватывающего всю ОСС, множество духовных — интеллектуальных и чувственных —

опытов, или мифоидом (более-менее целостной писательской доктриной), которые кодифицируют мысль, отбирая значимые явления, устанавливая связи (их постепенность, последовательность), санкционируя отношения (их иерархию), то есть определяют действительность. В мифе, отмечал А.Ф.Лосев, «по факту действительность остается той же самой (с которой мы сталкиваемся в повседневной и обыденной жизни — М.С.), только меняется ее смысл и идея»⁵.

Здесь встает проблема конструирования (мысленной реконструкции) этих парадигм, вопрос об их основе, т.к. стратегия символического толкования, ориентация (направление) устанавливаемых парадигматических связей в переплетенных различных по содержанию и происхождению образах не диктует особых (строгих) операционных ограничений. Таковым институализирующим стержнем обычно является логика писательского / читательского концепта (бытовая или сакральная — основанная на законе «мистического сопричастия», «партиципации», по Л.Леви-Брюлю, — философская или поэтическая — здесь доминирует закон воображения, создания художественной действительности, целостного инобытия, — «заковыченная», но логика).

Эти концепты, поэтические «мифы», сквозные смыслы и логика которых организуют художественный материал — координируют и субординируют его, превращают в сложное целое — могут быть как проявлением «коллективного» слоя в творчестве писателя (сознании читателя), так и индивидуального начала. Здесь миф обладает общей моделирующей функцией, а символ — частью (вместе с тем он — конденсатор сюжета мифа, мифологема).

Ограниченность «мифологического» пространства, интерпретирующей идеи сближает символ с аллегорией, а ОСС — с аллегорической структурой (возникает замкнутая кодифицированность элементов-символов). Впрочем, любая актуализация определенных символических значений ведет в некоторой мере к аллегоризации образа-символа.

Следует учитывать, что организация символической парадигмы и ее информации определяется и системой представлений адресата (читателей), которые задают механизм развертывания смысла.

2. При анализе ОСС может изучаться устойчивость системы и ее отдельного/ых элемента/ов (символа/ов).

Выделяются:

а) устойчивые системы (функционируют в рамках одного концепта, одного поэтического мифа); они характеризуются константными, воспроизводимыми образными цепочками, обновление их связано с обращением к новой отправной точке в рамках той же системы и комбинаторным перестроением (изменения являются всего лишь вариациями, которые не вносят серьезных «возмущений» в единую картину);

б) расширяющиеся образные системы (с заметным качественным изменением в процессе функционирования — с отказом и без отказа от «ядра» первоначального мифа, единой концептуальной рамки); изменения здесь необратимы, но старый код узнаваем;

в) перекодируемые образные системы (предполагают качественно другое содержание, перекодировку, перестройку как образной системы, так и мифа); изменения касаются смысла, отношений, иерархических связей и т.п.

Как значимые моменты данного анализа следует отметить отслеживание инерции / предсказуемости смысла (обращается внимание на то, что придает константность системе, неразрывность смысловой цепочки) и непредсказуемости его (обнаруживается оригинальное, творческое переосмысление известного); здесь важна степень отвлеченности от исходных построений и смыслов, насколько восстановима исходная система (ее смыслы) при внесении данных деформаций.

3. Направлением изучения ОСС является ее иерархичность.

Хотя способы означивания многочисленны, несводимы друг к другу и различия между ними не дают повода для оценочных суждений⁶, в иерархии творческого словоупотребления символ обычно находится выше просто поэтического слова: он — семантическая доминанта, задающая семантический код текста, определяющая прочтение других элементов, событий художественного целого, он устанавливает новые содержательные связи (организует текст) и является вершиной, средоточием связей поэтического универсума (идей, образов, эмоций).

Строение самой символической системы тоже подразумевает иерархию: содержательную, то есть отношение символов к смысловому «ядру» мифа / концепта или периферии, и формальную («первичный» смысл символа/ов и начальное его/их употребление — смыслы и связи — в рамках ОСС и последующие употребления и смыслы). Здесь значимо расположение символических единиц (элементов) во временной последовательности и установление причинно-следственных связей.

При решении вопроса об иерархичности в ОСС важно выделение ключевых текстов, где фиксируется тот или иной пласт значений, значимый фрагмент поэтического мифа, который группируется вокруг определенного(ых) символа(ов).

4. Для исследования функционирования ОСС необходимо отслеживать частотность употребления элементов этой системы как в границах отдельного произведения (текста, цикла, иногда, книги) или ряда произведений, так и творчества художника/ов в целом.

5. Отдельным пунктом изучения ОСС должна быть сочетаемость элементов системы в границах текста/ов (цикла и т.д.). Этот анализ многое дает для понимания вариативности и дополнительности символических образов, вычленения образно-смысловых подсистем в символической системе. В рамках данного исследования интерес представляет предсказуемость (взаимообусловленность) элементов образно-символической парадигмы (системы).

Здесь, возможно, следует учесть замечание А.Н.Уайтхеда о сложной, обратимой природе взаимоотношений «символ-смысл», где однозначно не определяется, что есть символ, а что смысл. «Не существу-

ет компонент опыта, которые являются только символами или только смыслами», это «зависит от своеобразного склада данного акта переживания»⁷.

ОСС дает примеры отношений своих элементов как тождеств, противоположностей и просто соположений. Элементы ОСС, вступая в разнообразные отношения друг с другом, создают свой сложный ритм актуальных смыслов.

6. Исследованию подлежит варьирование в рамках ОСС. Это варьирование фиксируется на уровне парадигмы одного образа-символа (один элемент употребляется в разных позициях); на уровне парадигмы образов аналогичного содержания (речь идет об определении сходного в различном, о различных элементах в близких, схожих позициях: об изоморфизме, адеквататах, «синонимах»); а также на уровне парадигмы образов-символов, обслуживающих данный поэтический миф (текст) в целом (совмещение различного). Интересны здесь выявления «насыщенности» варианта тождественным и отличным, интересны как новые оттенки значений, совмещения смысловых полей, общий ассоциативный план, взаимное расширение семантических границ (модуляция) каждого из элементов парадигмы, так и противоречия (вплоть до антитетичных смыслов, установок на парадокс) однородных и разнородных элементов системы.

Следует отметить, что при ограничении избыточности поэтического языка вариации в области символической системы явно избыточны, но они и дают диалектику и полноту представляемого явления, дают то, что можно считать познанием в художественном пространстве.

7. Отдельный вопрос, требующий разрешения при анализе ОСС и парадигмы символов, — это определение инвариантов и вариантов, их отношений в рамках ОСС. Этот вопрос может быть решен с точки зрения или формальной первичности элемента (его употребления), или содержательной полноты его (в последнем случае инвариант — это некий идеальный конструкт, обладающий всей полнотой смысла, но основывающийся на эмпирическом разнообразии).

При подходе к инварианту как идеальному конструкту, который может быть задан всеми *возможными* употреблениями данного символа, их смысловой полнотой, следует различать эмпирическую полноту (все *реально существующие* употребления) и *доступную* полноту, которая должна быть репрезентативна, и при этом не упускать из вида *разовое* употребление символа. (Здесь символ предстает как потенция и актуальная явленность, приближение к полноте явления)

Рассмотрение инварианта как идеального конструкта делает вопрос об обратимости инварианта и варианта некорректным: скорее, речь должна идти об обратимости вариантов или «насыщенности» того или иного варианта смыслами, повышающими его по функции (полноте смыслов) до ранга инвариантной, точнее, близкой инварианту формы. При формальном решении проблемы инвариантной формы и варианта отношения первичности-вторичности вряд ли могут быть обратимы (если

только не заниматься доказательством, что именно позднее функционирование образа как символа перевело и ранние употребления его в категорию символических — т.е. наблюдать обратный процесс символического семиозиса).

Исследование вопроса отношений варианта и инварианта в ОСС подвигает к утверждению, что символический текст выступает лишь как интерпретация (действительности), приближение (к истине), вариант (идеального текста) — в этом тексте не происходит полной реализации языка, и нереализованное здесь, но потенциально возможное не значит несущественное; символический же язык проявляет себя дальше, «шире» границ отдельного текста.

8. При анализе ОСС выявляются реализованные и нереализованные элементы ее парадигм/ы (значимые — и «восстановимые» — пропуски, использование других, непривычных, нетипичных, элементов системы, «изоляция», блокировка характерных значений элемента или расширенная трактовка элемента как части другой системы, перекодирование его — вплоть до снятия символического контекста; эта практика хорошо отслеживается в «оппонировании» футуристами образной системе символистов).

На фоне устойчивости, предсказуемости и урегулированности в символической организации текста/текстов отклонение от ожидаемого, от «нормы» — это не только значимая для художественного сознания деавтоматизация восприятия материала (приема и смысла), но и момент приращения смысла, синтеза, парадокса, выводящего на новый уровень мышления, и т.д. — здесь даже отказ от какого-либо образа-смысла может быть драматическим, ироническим, философским и т.п. поворотом всего поэтического мифа и вместе с тем перестройкой ОСС.

9. Отдельный уровень анализа ОСС — это состав символической парадигмы с точки зрения исторической традиционности-нетрадиционности ее элементов.

Выделяются элементы, характеризующиеся несубъективной устойчивостью: архетипические, мифологические, культурно-стереотипные (здесь и «формулы-образы поэтического языка» — А.Н. Веселовский). «Отстоявшиеся» образы-символы воспринимаются как более близкие к тому, что они обозначают, референт присутствует в знаке явственнее, они более «историчны», отражают этапы развития смысла.

А также отмечаем противоположное традиционной устойчивости качество, т.е. выделяем элементы, обладающие субъективной переменностью, условностью и выражающие субъективные авторские идеи.

Следует отметить «диалогизм» этих — традиционного и нетрадиционного — пластов в полигенетичных по своей природе символах и ОСС: от более-менее значительных нюансов в преломлении художником традиционного материала до конфликта особых смыслов, контекстов данного индивидуального поэтического мира (мифа) и традиционных значений.

Новаторство как отношение к традиции — память о ней и несовпадение с устоявшейся «нормой» — наблюдается и при расширении идейно-культурных связей в рамках взаимодействия вполне традиционных элементов ОСС: здесь именно тот случай, когда и «сумма», и содержание отдельных слагаемых определяют содержание каждого конкретного слагаемого, расширяет семантическое поле отдельных элементов. Синтетичный подход к ОСС, синкретичное содержание ОСС порождает индивидуальное решение проблемы художественного целого. «Деградировавшие» до аллегии и знака традиционные символы наполняются забытыми и новыми смыслами, оживают. Воспроизведение традиционной нормы в другой культурной парадигме приводит к отклонению в означаемом и в означающем.

Нарастание и свобода дешифрующих структур в ОСС делает значения ее элементов неповторимыми, индивидуальными, напряженными (например, парадоксальными в своей полноте), эти значения существуют и в сфере игры, и в сфере концепта.

А.Ф.Лосев вообще считал, что эстетическое соотношение общего и индивидуального как полное равновесие того и другого и является качеством символа, в отличие от аллегии, где это соотношение решено в пользу общего, и олицетворения — в пользу индивидуального⁸.

10. Анализироваться должны и дополнительные функции символики (элементов ОСС), отличные от основной, обозначающей: например, внимание может быть уделено соответствию актуальных значений символов нравственно-художественной топике, этической или религиозно-психологической «аксиоматике» культуры (народа, страны, региона, периода). Может рассматриваться эстетическая характеристика образов-символов, метафорическая и метонимическая функции — т.е. значимыми выступают отношения подобия или отношения смежности (как противоположности — знаковая, рационалистическая, терминологическая или аллегорическая ориентированность символики); изучается направленность символа и ОСС на создание определенных впечатлений и настроений или же на другие эстетические установки.

11. ОСС может характеризоваться с точки зрения ориентированности актуальных смыслов символики на реальный, мифологический или мистический планы бытия. В первом случае актуален «земной», имманентный ряд значений (пусть и являются в чувственных образах скрытые первоначально от поверхностного взгляда отношения, связи, чувства, рефлексии — сущности человеческой реальности). В остальных случаях важен опыт культурно-религиозный (откровения надчеловеческого, которое может и противопоставляться откровению культуры как реальности жизни человеческого духа, образам чистого искусства, отвлеченным «поэтизмам») или трансцендентный (опыт сверхчувственного); тогда это знаки духовных сущностей, выражение сказанного и несказанного (последнее — «индекс», «мистический жест», по А.Ханзен-Леве, в сторону того, что вне человеческого разума). При ориен-

тированности на откровенное и умонепостигаемое «снимается» реально существующий, семантически-буквальный образ, стоящий за именем в его непосредственном прямом употреблении, имя не объективирует свой референт (или денотат).

Следует отметить, что мистическое содержание символа оценивается и как связанное с мистической природой самого символа — символ не случаен, не произволен, а максимально когерентен означаемому, целостен с ним, символ рассматривается как эманация Абсолюта, не искажающая его сущности (в традиции имяславия — означающее важно (свято) так же, как и означаемое, более того, наблюдается некий пафос первого, только в нем и возможно Откровение, оно едва ли не часть символизируемого) — и как определенный мистико-психологический акт, лишь по необходимости «терминологизированный» в том или ином символе, символ только «изображение» Абсолюта, знак Откровения (знак, который всегда меньше, чем понятие, ущербный в свете являющегося высшего), ослабленная передача состояния переживания сверхчувственной истины (означающее не так важно, как означаемое), символ здесь относительно мотивирован и достаточно свободен — он обеспечивает лишь потребность обозначения.

Часто встречается символическая образность «смешанного» типа: в отражении «вечных» смыслов важны и «дольные», реалистичные значения, опыт данного, настоящего, и значения, отмечающие проникновение в сокрытое (осознанную и иррациональную сущность бытия). Платоновско-романтическая традиция фиксирует оппозицию идеальной реальности и мнимого бытия земного мира, соловьевская традиция акцентирует воплощаемость идеального и преображение дольного.

В творческой практике в символе как «месте встречи» внутреннего и внешнего, иррационального и рационального, идеального и материального, горнего и дольного главным объектом художественного постижения было проникновение за оболочку вещей, за внешнее явление, здесь ценились и догадка, и интуиция, и теургический акт, и интеллектуальное упражнение, и ... игра.

12. ОСС может анализироваться в свете такого понятия как «игра»: этот акцент увеличивает внимание к субъективной (субъективно-сознательной) стороне, проявляющейся в процессе построения системы.

Характер игры может рассматриваться как следование определенным правилам (например, стилизация), как нарушение этих правил и создание своего поля игры (остранение), как интеллектуальная игра с ориентацией на познавательные задачи и как игра «в себе», ценная самой эстетикой игры и т.п. В последнем случае символ не столько актуализирует сущностное (является образом формальной акциденции сущности), сколько становится орудием умозрительных спекуляций, впрочем, и это нельзя рассматривать лишь как праздные усилия сознания и воображения: такая «произвольная» игра становится свидетельством свободы художника, шире — человека в мире, который «не вымерен и не исчислен» (Вяч.Иванов. Борозды и межи. М., 1916). Игра

смысловыми компонентами, модификация их актуализирует неосознаваемое, случайное и периферийное здесь не отменяет единства, «когерентности» мышления и мира.

13. В анализе содержания ОСС следует обращать внимание на значения, выявляемые логическим и теоретическим познанием, и на интуитивный пласт смысла.

В подходе к значениям ОСС должны учитываться не только значения, вытекающие из содержания того, что символизирует, обусловленные его природой, но и отличные, противоположные, коренным образом несовпадающие, но этой диалектикой и определяемые. Символ — это в той или иной степени отмечали Аристотель, Гете, Кант, а в наше время этой позиции придерживается В.В.Бибихин⁹ — пробуждает в сознании представления о схожих и противоположных явлениях, и таким образом устанавливается известное единство и всеобщность.

14. Отдельным моментом в изучении ОСС может стать парадоксальность представляемых смысловых сфер (символ, следует отметить, по природе своей парадоксален — апеллируя к образности, т.е. конечному, оформленному, он дает явление бесконечного, подвижного). А.Ф. Лосев так формулировал парадоксальную суть символа: «символ живет антитезой логического и алогического, вечно устойчивого, понятного, и — вечно неустойчивого, непонятного, и никогда нельзя в нем от полной непонятности перейти к полной понятности»¹⁰.

В ОСС часто совпадают несопоставимые символические опыты, символы способны выражать противоположные аспекты представляемой ими идеи (в своей потенциальности смыслов противоречить границам догмата), обращаться к различным уровням действительности (реальной и идеальной), к бессознательному и сознательному восприятию ее, к созерцательному, чувственно переживаемому и рациональному опыту, к познанному и непознанному. ОСС не разрушает эти смысловые данности, не обезличивает, не констатирует их отвлеченно, но интегрирует: здесь один конкретный смысловой уровень обращен ко всей системе, часть представляет целое, всеобщее видится в особенном и наоборот. ОСС воссоздает противоречивый в своей целостности, бесконечный, ускользающий в своем смысле образ мира, воспроизводит его в художественном целом.

Антиномичная семантика символа, функционирующего в подобной ОСС, — это все тот же материал «синтетического суждения» — мифа, который и выявляет оппозиции, причем этот материал этически и эстетически не нейтрален (работы Леви-Стросса, В.В.Иванова, В.Н.Топорова), хотя, как известно, бинарные оппозиции имеют определенную эквивалентность пар.

Парадоксальное мышление в символе, мышление различиями и несовпадениями, не исключает тупиков, лакун в развертывании смысла — и в «авторскую» пустоту, в раздвижение пространства между предметом мышления автора входит читательский опыт, его акт мышления, чувствования, осознания. Этот тип активации читательского сознания в символе тоже должен быть отмечен.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ А.Ф.Лосев. Страсть к диалектике. М., 1990. С. 38.
- ² А.Ф.Лосев. Проблема символа и реалистическое искусство. М. 1976. С. 145, 175.
- ³ Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста. Л., 1972.
- ⁴ См. Лосев А.Ф. Бытие. Имя. Космос.М.,1996 С. 823.
- ⁵ См. Лосев А.Ф. Философия, мифология, культура. М., 1991. С. 65.
- ⁶ Тодоров Ц. Теории символа. М., 1999. С. 369.
- ⁷ См. Уайтхед А.Н. Символизм, его смысл и воздействие. — Томск: Водолей, 1999. С. 11, 14.
- ⁸ См. Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. Исторический смысл эстетики Возрождения. М., 1998. С. 197.
- ⁹ См. Биbihин В.В. Язык философии. М., 1993. С. 194 — 209.
- ¹⁰ Лосев А.Ф. Из ранних произведений. М., 1990. С. 93.